

Лагерлеф Сельма

Сказания о Христе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С29

С29 **Сельма Л.**
Сказания о Христе / Лагерлеф Сельма – М.: Книга по Требованию, 2022. –
266 с.

ISBN 978-5-519-92240-1

ISBN 978-5-519-92240-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Христіане по имени, мы язычники по своимъ мыслямъ, чувствамъ и поступкамъ. Эгоизмъ — вотъ основа человѣческихъ побужденій. Но душа человѣка по природѣ христіанка, она тоскуетъ, задыхается въ атмосферѣ эгоизма, она инстинктивно стремится къ христіанскимъ идеаламъ, ищетъ Христа и жизни по Его завѣтамъ.

Напрасно люди стали бы искать въ современной художественной литературѣ удовлетворенія христіанскимъ запросамъ души. Произведеній художественной литературы, въ которыхъ отражались бы христіанскіе идеалы, теперь почти нѣтъ. Разказы Сельмы Лагерлефъ — одна изъ немногихъ въ современной художественной литературѣ книгъ, проникнутыхъ христіанскими идеалами. Ея разказы—

не историческія повѣствованія, это — благочестивыя сказанія, навѣяныя христіанскими преданіями и настроеніями. И всякій, въ чьей душѣ не погасла искра Божія, найдетъ въ книжкѣ Лагерлефъ отзвуки высокихъ христіанскихъ порывовъ и христіанскихъ настроеній, найдетъ отдыхъ и успокоеніе отъ мелкихъ эгоистическихъ интересовъ обыденщины.

Святая ночь.

Когда мнѣ было пять лѣтъ, меня постигло большое горе. Я не знаю, испытала ли я впослѣдствіи горе большее, чѣмъ тогда.

У меня умерла бабушка. До того времени она каждый день сидѣла на угловомъ диванѣ въ своей комнатѣ и рассказывала чудныя вещи.

Я не помню бабушку иной, какъ сидящей на своемъ диванѣ и рассказывающей съ утра до ночи намъ, дѣтямъ, притаившимся и смирно сидящимъ возлѣ нея; мы боялись проронить хоть слово изъ рассказовъ бабушки. Это была очаровательная жизни! Не было дѣтей, болѣе счастливыхъ, чѣмъ мы.

Я смутно помню образъ бабушки. Помню, что у нея были прекрасные, бѣлые, какъ мѣлъ, волосы, что была она очень сгорбленна и постоянно вязала свой чулокъ.

Еще помню, что, когда бабушка кончала рассказъ, она клала свою руку мнѣ на голову и говорила:

„И все это такая же правда, какъ то, что я тебя вижу, а ты меня“.

Помню, что бабушка умѣла пѣть красивыя пѣсни; но пѣла ихъ бабушка не каждый день. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ говорилось о какомъ-то рыцарѣ и морской дѣвѣ, къ этой пѣснѣ былъ припѣвъ:

„Какъ холодно вѣтъ вѣтеръ, какъ холодно вѣтъ вѣтеръ по широкому морю“.

Вспоминаю я маленькую молитву, которой научила меня бабушка, и стихи псалма.

О всѣхъ разсказахъ бабушки сохранилось у меня лишь слабое, неясное воспоминаніе. Только одинъ изъ нихъ помню я такъ хорошо, что могу разсказать. Это—маленькій разсказъ о Рождествѣ Христовомъ.

Вотъ, почти все, что у меня сохранилось въ памяти о бабушкѣ; но лучше всего я помню горе, которое меня охватило, когда она умерла.

Я помню то утро, когда угловой диванъ остался пустымъ, и было невозможно себѣ представить, какъ провести длинный день. Это помню я хорошо и никогда не забуду.

Насъ, дѣтей, привели, чтобы проститься съ умершей. Намъ было страшно поцѣловать мертвую руку; но кто-то сказалъ намъ, что послѣдній разъ мы можемъ поблагодарить бабушку за всѣ радости, которыя она намъ доставляла.

Помню, какъ ушли сказанія и пѣсни изъ нашего дома, заколоченныя въ длинный черный гробъ, и никогда не вернулись.

Помню, какъ что-то исчезло изъ жизни. Будто закрылась дверь въ прекрасный волшебный міръ, доступъ въ который намъ былъ до того совершенно свободенъ. Съ тѣхъ поръ не стало никого, кто смогъ бы снова открыть эту дверь.

Помню, что пришлось, намъ, дѣтямъ, учиться играть въ куклы и другія игрушки, какъ играютъ всѣ дѣти, и постепенно мы научились и привыкли къ нимъ. Могло показаться, что замѣнили намъ новыя забавы бабушку, что забыли мы ее.

Но и сегодня, черезъ сорокъ лѣтъ, въ то время, какъ разбираю я сказанія о Христѣ, собранныя и слышанныя мною въ далекой чужой странѣ, въ моей памяти живо встаетъ маленький разсказъ о Рождествѣ

Христовомъ, слышанный мной отъ бабушки. И мнѣ пріятно еще разъ его рассказать и помѣстить въ своемъ сборникѣ.

* * *

Это было въ Рождественскій сочельникъ. Всѣ уѣхали въ церковь, кромѣ бабушки и меня. Я думаю, что мы вдвоемъ были однѣ во всемъ домѣ; только мы съ бабушкой не смогли поѣхать со всѣми, потому что она была слишкомъ стара, а я слишкомъ мала. Обѣ мы были огорчены, что не услышимъ Рождественскихъ пѣснопѣній и не увидимъ священныхъ огней.

Когда усѣлись мы, одинокія, на бабушкиномъ диванѣ, бабушка начала рассказывать:

„Однажды глубокой ночью человѣкъ пошелъ искать огня. Онъ ходилъ отъ одного дома къ другому и стучался:

— Добрые люди, помогите мнѣ!—говорилъ онъ.— Дайте мнѣ горячихъ углей, чтобы развести огонь: мнѣ нужно согрѣть только что родившагося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, всѣ люди спали, и никто ему не отвѣчалъ.

Человѣкъ шелъ все дальше и дальше. Наконецъ увидѣлъ онъ вдали огонекъ. Онъ направился къ нему и увидѣлъ, что это—костеръ. Множество бѣлыхъ овецъ лежало вокругъ костра; овцы спали, ихъ сторожилъ старый пастухъ.

Человѣкъ, искавшій огня, подошелъ къ стаду; три огромныя собаки, лежавшія у ногъ пастуха, вскочили, слыша чужіе шаги; онѣ раскрыли свои широкія пасти, какъ будто хотѣли лаять, но звукъ лая не нарушилъ ночной тишины. Человѣкъ увидѣлъ, какъ шерсть поднялась на спинахъ собакъ, какъ засверкали въ темнотѣ острые зубы ослѣпительной бѣлизны, и собаки бросились на него. Одна изъ нихъ схватила его за ногу, другая — за руку, третья — вцѣпилась ему въ горло; но зубы и челюсти не слушались собакъ, онѣ

не смогли укусить незнакомца и не причинили ему ни малѣйшаго вреда.

Человѣкъ хотѣлъ подойти къ костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали такъ близко одна къ другой, что спины ихъ соприкасались, и онъ не могъ дальше итти впередъ. Тогда человѣкъ взобрался на спины животныхъ и пошелъ по нимъ къ огню. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась“.

До сихъ поръ я, не перебивая, слушала разсказъ бабушки, но тутъ я не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Почему не пошевелились овцы? — спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь, немного погодя,—отвѣтила бабушка и продолжала разсказъ:

„Когда человѣкъ подошелъ къ огню, замѣтилъ его пастухъ. Это былъ старый, угрюмый человѣкъ, который былъ жестокъ и суровъ ко всѣмъ людямъ. Завидя чужого человѣка, онъ схватилъ длинную, остро-конечную палку, которой гонялъ свое стадо, и съ силой бросилъ ее въ незнакомца. Палка полетѣла прямо на человѣка, но, не коснувшись его, повернула въ сторону и упала гдѣ-то далеко въ полѣ“.

Въ этомъ мѣстѣ я снова перебила бабушку:

— Бабушка, почему палка не ударила человѣка?—спросила я; но бабушка мнѣ ничего не отвѣтила и продолжала свой разсказъ.

„Человѣкъ подошелъ къ пастуху и сказалъ ему:

— Добрый другъ! Помоги мнѣ, дай мнѣ немного огня.

Только что родился Младенецъ; мнѣ надо развести огонь, чтобы согрѣть Малютку и Его Мать.

Пастухъ охотнѣе всего отказалъ бы незнакомцу. Но когда онъ вспомнилъ, что собаки не смогли укусить этого человѣка, что овцы не разбѣжались передъ нимъ, и палка не попала въ него, какъ-будто не захотѣла ему повредить, пастуху стало жутко и онъ не осмѣлился отказать незнакомцу въ его просьбѣ.

— Возьми, сколько тебѣ надо,—сказалъ онъ чело-
вѣку.

Но огонь уже почти потухъ. Сучья и вѣтки давно
сгорѣли, оставались лишь кроваво-красные уголья, и
человѣкъ съ заботой и недоумѣніемъ думалъ о томъ,
въ чемъ донести ему горячіе уголья.

Замѣтя затрудненіе незнакомца, пастухъ еще разъ
повторилъ ему:

— Возьми, сколько тебѣ надо!

Онъ съ злорадствомъ думалъ, что человѣкъ не
сможетъ взять огня. Но незнакомецъ нагнулся, го-
лыми руками досталъ изъ пепла горячихъ углей и
положилъ ихъ въ край своего плаща. И уголья не
только не обожгли ему руки, когда онъ ихъ доста-
валъ, но не прожгли и плаща, и незнакомецъ по-
шелъ спокойно назадъ, какъ будто несъ въ плащѣ
не горячіе уголья, а орѣхи или яблоки“.

Тутъ снова не могла я удержаться, чтобы не спро-
сить:

— Бабушка! почему не обожгли уголья челоѣка
и не прожгли ему плащъ?

— Ты скоро это узнаешь,—отвѣтила бабушка и
стала рассказывать дальше.

„Старый, угрюмый, злой пастухъ былъ пораженъ
всѣмъ, что пришлось ему увидѣть.

— Что это за ночь,—спрашивалъ онъ самъ себя,—
въ которую собаки не кусаются, овцы не пугаются,
палка не ударяетъ и огонь не жжетъ?

Онъ окликнулъ незнакомца и спросилъ его:

— Что сегодня за чудесная ночь? И почему жи-
вотныя и предметы оказываютъ тебѣ милосердіе?

— Я не могу тебѣ этого сказать, если ты самъ не
увидишь,—отвѣтилъ незнакомецъ и пошелъ своей до-
рогой, торопясь развести огонь, чтобы согрѣть Мать
и Младенца.

Но пастухъ не хотѣлъ терять его изъ вида, пока
не узнаетъ, что все это значитъ. Онъ всталъ и по-
шелъ за незнакомцемъ, и дошелъ до его жилища.

Тутъ увидѣлъ пастухъ, что человѣкъ этотъ жилъ не въ домѣ и даже не въ хижинѣ, а въ пещерѣ подъ скалой; стѣны пещеры были голы, изъ камня, и отъ нихъ шелъ сильный холодъ. Тутъ лежали Мать и Дитя.

Хотя пастухъ былъ черствымъ, суровымъ человѣкомъ, но ему стало жаль невиннаго Младенца, который могъ замерзнуть въ каменистой пещерѣ, и старикъ рѣшилъ помочь Ему. Онъ снялъ съ плечъ мѣшокъ, развязалъ его, вынулъ мягкую, теплую пушистую овечью шкурку, и передалъ ее незнакомцу, чтобы завернуть въ нее Младенца.

Но въ тотъ же мигъ, когда показалъ пастухъ, что и онъ можетъ быть милосерднымъ, открылись у него глаза и уши, и онъ увидѣлъ то, чего раньше не могъ видѣть, и услышалъ то, чего раньше не могъ слышать.

Онъ увидѣлъ, что пещеру окружаютъ множество ангеловъ съ серебряными крыльями и въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ. Всѣ они держатъ въ рукахъ арфы и громко поютъ, славословя родившагося въ эту ночь Спасителя міра, Который освободитъ людей отъ грѣха и смерти.

Тогда понялъ пастухъ, почему всѣ животныя и предметы въ эту ночь были такъ добры и милосердны, что не хотѣли никому причинить вреда.

Ангелы были всюду; они окружали Младенца, сидѣли на горѣ, парили подъ небесами. Всюду было ликование и веселье, пѣніе и музыка; темная ночь сверкала теперь множествомъ небесныхъ огней, свѣтилась яркимъ свѣтомъ, исходившимъ отъ ослѣпительныхъ одеждъ ангеловъ. И все это увидѣлъ и услышалъ пастухъ въ ту чудесную ночь, и такъ былъ радъ, что открылись глаза и уши его, что упалъ на колѣни и благодарилъ Бога“.

Тутъ бабушка вздохнула и сказала:

— То, что увидѣлъ тогда пастухъ, могли бы и мы увидѣть, потому что ангелы каждую Рождественскую ночь летаютъ надъ землею и славословятъ Спасителя, но если бы мы были достойны этого.